

РАЗДЕЛ 4. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ЯЗЫК И ПРАВО

УДК 81/42:34
ББК Ш105.51

ГСНТИ 02.41.41; 16.31.61

Код ВАК 09.00.13; 10.02.19

П. К. Зверева
Тюмень, Россия

ЛИНГВОФИЛОСОФСКОЕ ТОЛКОВАНИЕ ЮРИДИЧЕСКОГО ТЕКСТА

АННОТАЦИЯ. Целью настоящего исследования является описание моделей распознавания, понимания и создания юридических текстов. Достижения лингвистики 70—80-х годов прошлого века — лингвистики текста — нашли свое отражение в работах по политической лингвистике, достижения когнитивной лингвистики — в исследованиях политической метафоры, теории дискурса — в работах, посвященных юридическому дискурсу (выделяемого в оппозиции к юридическому тексту). Поскольку язык является формой выражения права, его объективации, то есть в языке заложены основания права, закономерно обращение лингвистов к юридической проблематике. Язык права требует при рассмотрении междисциплинарного подхода и использования идей, сформулированных на стыке философии языка, философии права, когнитивной лингвистики, лингвистики текста. Важнейшей задачей правоведа является «прояснение» юридического языка через анализ словоупотребления основных юридических понятий. Многозначность юридического понятия снимается контекстом употребления, при этом отсутствует общепризнанное представление о том, что является контекстом для всего закона. Принято считать, что таковым контекстом является правовая система соответствующего государства. Поддержание и воспроизводство правовой системы имеет аналогию с рекурсией в лингвистике. Предпринята попытка переосмыслить некоторые положения Г. Л. Харта на уровне важнейших юридических текстов (закон, Конституция). Представления о том, что люди говорят текстами (а не высказываниями, предложениями, словами), требуют пересмотреть ряд положений философии права. Статья содержит отдельные примеры применения достижений современной лингвистики для разрешения проблем философии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: юридические тексты; юридический дискурс; контекст; правовые понятия; язык права; когнитивная лингвистика.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Зверева Полина Константиновна, аспирант кафедры гуманитарных и социальных наук, Тюменский индустриальный университет; 625000, Россия, г. Тюмень, ул. Володарского, 38; e-mail: polyusha@inbox.ru.

Введение

Социальные и гуманитарные науки часто критикуют за отсутствие явной сменяемости научной парадигмы. Для естественных и точных наук смена научной парадигмы является, как правило, окончательной, влияющей на все сопутствующие теории. В социальных и гуманитарных науках указанные процессы менее выражены, те или иные концепции продолжают свое существование, имеют своих последователей, свои научные школы, свой метаязык, несмотря на явное отставание от других, более перспективных и доказавших свою научную привлекательность теорий. Одной из причин этого представляется отсутствие единого метаязыка в социальных и гуманитарных науках. «Лингвистический поворот» в гуманитарных науках сыграл свою положительную роль, его структурирующий и объяснительный потенциал сначала «захватил» научное сообщество, а затем вполне предсказуемо уступил место другим главенствующим течениям в науке. Примером того, что «лингвистический поворот» не утратил своей актуальности, является исследование «языка права» (известного под несколькими наименованиями), создание искусственного интеллекта, политическая лингвистика, компьютерная лингвистика и многие другие научные области. В настоящей статье мы рассмотрим важнейшие идеи на стыке «философии языка», «философии права», «когнитивной лингвистики», «лингвистики текста» для демонстрации их теоретического и объясни-

тельного потенциала для пересмотра теории всех социальных и гуманитарных наук.

Язык как основание права

Начиная с 70-гг. XX в. в США возникает новое направление междисциплинарных исследований — «язык и право». Приблизительно в это же время формируется аналитическая теория и философия права — «специфическое течение, являясь изначально частью аналитической философии, а после самостоятельной отраслью научного знания, характеризуется широким применением новаций и методик лингвистического анализа языка к исследованию правовых конструкций» [Оглезнев 2012: 3]. Аналитические философы, обратившись к правовой системе с ее избытием понятий и методов, способствовали «более углубленному пониманию структуры и взаимосвязи правовых систем и отношений между правовыми и моральными правилами» [Там же: 21]. По мнению Норбера Рулана, «текст — это не просто совокупность написанного, он представляет собой независимый авторитет, который организует право и общество» [Рулан 1999: 246]. Верно и обратное утверждение: авторитет тексту придает общество и государство через процедуры (практики, ритуалы) безусловного служения такому тексту (клятва президента (судей) при вступлении на должность на Конституции, соответствие законодательства конституционным принципам и идеям). К примеру, сформулированный принцип о том, что «избирательное правосудие» — отсутствие правосудия. Из этого

© Зверева П. К., 2017

следует, что только безусловное применение правосудия, во всех случаях, а не его избирательность является основанием для авторитета текста закона. Вместе с тем «прояснение» [Оглезнев 2012: 3] юридического языка через анализ словоупотребления основных юридических понятий становится основной задачей правоведа, от успешности решения которой в конечном счете будет зависеть качество и эффективность правовой системы. Язык является формой выражения права, его объективации, **в языке заложены основания права**. Исследование правового языка неизбежно связано с вопросом о сущности права. Словам принадлежит ключевая роль в ритуальных практиках, слова закрепляют ритуальный характер права, образуют ритуальные феномены (фразы, тексты, дискурс). Рассмотрим пример ритуальных действий (ритуальных фраз), которые влекут за собой вполне определенные юридические последствия.

В диссертационном исследовании А. А. Паламарчук, посвященном изучению гражданского права в *раннестюартовской* Англии, приводятся такие сведения: «...принесение клятвы нередко сопровождало заключение крупных сделок или соглашений и означало *сакрализацию* данного обещания. Если простую устную договоренность между частными светскими лицами тексты декреталий однозначно относили к юрисдикции светских судов, то в случаях, если договор сопровождался промиссивной клятвой, он попадал в юрисдикцию суда церковного...» [Паламарчук 2016: 321—324]. В то же время некоторые устные сделки, описанные в Гражданском кодексе РФ (далее ГК РФ), соответствуют понятию когнитивной лингвистики *сценарий*. Примером может служить статья 786 ГК РФ «Договор перевозки пассажира»: «2. Заключение договора перевозки пассажира удостоверяется билетом, а сдача пассажиром багажа багажной квитанцией». Следование «*сценарию*» «перевозка пассажира» может осуществляться без слов, однако требует исполнения действий согласно «*сценарию*»: зайти в автобус на автобусной остановке, передать денежные средства автобусному контролеру, получить билет либо без оплаты войти в транспортное средство (автобус, метро, трамвай и т. д.). Следовательно, в отличие от ситуации с произнесением ритуальной фразы «*Я завещаю...*» (произносимой правомочным лицом и при особых обстоятельствах), требуется ввести понятие когнитивной лингвистики — *сценарий*, который подразумевает следование установленному порядку, для осмысления возникновения правовых последствий.

Лингвистика текста, дискурс с точки зрения когнитивной науки

Современное понимание текста и дискурса основано на том, что любой текст — это мозаика цитаций, осознанных или неосознанных, скрытых или явных. К. Дж. Джерджен предложил еще более широкий взгляд: «...значительная доля человеческой деятельности вырастает из взаимообмена и направлена на дальнейший взаимообмен. Когда я пишу эти строки, в них отражаются, например, мои бесчисленные диалоги с коллегами и студентами, посредством которых я устанавливаю отношения с читателями. Это не „мои“ слова, их авторство мнимое. **Я**, скорее, носитель определенных отношений, которые превращаю в новые отношения...» [Джерджен 2003: 43].

В книге французского психолога Жана Франсуа Ришара осуществляется попытка систематизации различных когнитивных теорий и экспериментальных данных на основе понятия **ментальной репрезентации**. Ж. Ф. Ришар полагает, что «**репрезентации**, с точки зрения их природы, необходимо отделить от знаний и верований. Репрезентации — это конструкции, зависящие от обстоятельств. Они построены в конкретном индивидуальном контексте для специфических целей: для осведомленности в данной ситуации, для того, чтобы быть готовым к требованиям текущей задачи и понимать текст (который читают), инструкцию (которую слушают), проблему (которую надо решить). Конструирование репрезентации направляется задачей и природой решения, которое необходимо найти» [Ришар 1998: 3]. Ж. Ф. Ришар заявляет о разных типах наименования репрезентаций, например о «*репрезентациях в смысле замещений*» (в противоположность референциям), мы предпочитаем для краткости сохранить термин репрезентации для нестабильных конструкций, т. е. связанных с обстоятельствами, а термин знания — для стабильных конструкций...» [Там же: 3].

Стереотип, согласно которому члены юридического сообщества обладают уникальным набором юридических понятий, недоступных для «обывателя», и идеи стабильных/нестабильных конструкций Ж. Ф. Ришара противоречит «*открытой структуре*» Г. Л. Харта. Описывая «*открытую структуру*» Г. Л. А. Харта, исследователь В. В. Оглезнев постулирует вывод о том, что «правовые понятия одинаковым образом неопределены и для профессионального юриста, и для лица, не обремененного юридическими знаниями. Так происходит потому, что человек не понимает правил, конституирующих ис-

пользование юридического языка...» [Оглезнев 2012: 29]. В свою очередь, «неопределенности границ понятий, используемых в повседневной жизни права и в других сферах, где нормы права, содержащие такие понятия, не в состоянии определить уникальность решения в специфических случаях» [Там же: 30]. Примем во внимание следующее рассуждение Коллинза Рэндалла о том, что «общество не может существовать без *идей*. Но эти *идеи* эффективны потому, что они социальны, поскольку они напоминают индивидам об их членстве в обществе и их привязанностях. Дюркгейм называл их „*коллективными репрезентациями*“. Лучше всего их описывать как заряженные частицы, которые циркулируют среди людей и поселяются на время в их головах, но эти частицы возникают в групповых ритуалах» [Рэндалл 2009: 201]. *Идеи*, передаваемые из поколения в поколения в виде неписаного права (запреты, табу) — «запрет убивать», «красть», «желать жену ближнего своего» и т. д. — в бесписьменных обществах, затем включаются в религиозные тексты. Библия как источник права — текст, в котором объективировались *идеи*, передаваемые затем в виде текстов во вновь создаваемые юридические (светские и религиозные) тексты. Тексты и еще раз тексты послужили и служат контекстом для толкования юридических понятий. Толкование же целых текстов возможно только через мир других текстов. Текст живет в мире интертекстов, который в числе прочего (*правовая культура, правовая традиция*) является его контекстом.

Мы предлагаем рассматривать основные концепции Дж. Остина и Г. Л. А. Харта на уровне юридических текстов. М. М. Бахтин высказал мысль: «...где нет текста, там нет и объекта для исследования и мышления» [Бахтин 1986: 1]. И. Р. Гальперин позднее в своем *общепринятом* определении *текста* указывает, что «текст — это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [Гальперин 1981: 18]. П. Хартман предположил, что «все носители языка <...> говорят только текстами, а не словами и не предложениями» [Хартман 1978: 169]. С нашей точки зрения, такая функция текста, как передача ин-

формации, неизбежно имеет следствием то, что текст со временем формирует определенные семантические поля, которые могут сужать и расширять смыслы и менять их. Согласно Г. Л. А. Харту, «правовым понятиям присуще „ядро (core)“ и „полутень (penumbra)“ значения, то есть набор как очевидных, центральных, так и неясных, пограничных, маргинальных случаев употребления» [Оглезнев 2012: 29]. Французский литературовед и семиолог Р. Барт резюмирует, что «*тексту* присуща множественность. Это значит, что у него не просто несколько смыслов, но что в нем осуществляется сама множественность смысла как таковая — множественность неустранимая, а не просто допустимая. В Тексте нет мирного сосуществования смыслов — Текст пересекает их, движется сквозь них; поэтому он не поддается даже плюралистическому истолкованию, в нем происходит взрыв, рассеяние смысла. Действительно, множественность *Текста* вызвана не двусмысленностью элементов его содержания, а, если можно так выразиться, пространственной многолинейностью означающих, из которых он соткан» [Барт 1989: 413—423]. Двигаясь выше по иерархической структуре, отметим, что юридический текст существует как часть *юридического дискурса*. Под *юридическим дискурсом* понимается совокупность «переживаний индивида, корреляций субъективного опыта с овладением определенными профессиональными знаниями, составляющими содержание профессиональной юридической деятельности <...> *текст права* в динамике, в процессе толкования и разъяснения. Установить определенные границы юридического дискурсивного сообщества не представляется возможным ввиду его „размытости“: в структуру юридического дискурса входят тексты нормативно-правовых актов (законы), научные и учебные тексты, речь профессиональных участников деятельности, а также общение неспециалистов на правовые темы» [Константинова 2011: 9].

Знаковый характер метаязыка социальных и гуманитарных наук

В исследовании С. Н. Слепухина сформулированы следующие положения: «...динамика и характер развития *юридического дискурса* как метасемиотической системы обеспечивается знаковыми отношениями между активно изменяющимся планом содержания, состоящим из юридических идей и ценностей, воплощенных в значениях слов, словесных выражений и текстов, и консервативным, фактически не изменяющимся планом выражения, представленным

языковыми средствами объективации юридического дискурса...» [Слепухин 2014: 220—221]. Исследователь обосновывает существование в юридическом дискурсе *сценарных нормативных процедур*, которые часто носят выраженный **ритуальный характер**. Объясняется это тем, что в юридическом дискурсе предполагается принятие на себя определенной конвенциональной роли, или лица — заявителя, ответчика, истца, президента, доверителя и т. д.

Центральные (базовые) символы государства (например, Конституция, конституционные законы) в результате постоянного воспроизводства в официальных ритуалах мифологизируются и наделяются сакральным смыслом, что обеспечивает легитимность и непрерывность функционирования соответствующих правовых институтов и структур власти.

Тён А. ван Дейк, представитель критического дискурс-анализа, исследователь дискурсивного характера властных взаимоотношений в современном обществе, их репрезентации в текстах и дискурсах различного вида, полагает, что «мы не поймем, как социальные ситуации или социальные структуры вторгаются в *текст* и *речь*, если не поймем, как люди интерпретируют и репрезентируют эти социальные условия в рамках особых ментальных моделей — контекстных моделей» [Дейк 2013: 15]. Разъяснение понятий дискурса и контекстных моделей дается в другой статье Т. ван Дейка: «...конкретный дискурс составляет часть коммуникативного контекста, мы можем предположить, что *репрезентация текста* является частью контекстной модели <...> дискурс является неотъемлемой составляющей контекста. Он связан не только с объектами, о которых идет речь, и, следовательно, для его понимания требуются не только ситуационные модели. Дискурсы сами по себе являются социальными действиями, которые могут запоминаться ради самих себя. Такие дискурсы могут вызывать важные изменения в социальных отношениях и социальных ситуациях. **Судебное разбирательство**, например, в значительной степени состоит из обусловленных ситуацией речевых действий, таких, как обвинение (обвинительные заключения), иски, свидетельства, допросы и приговоры, которые в своей совокупности могут иметь важные социальные последствия» [Дейк 2000: 96].

Социальные практики и ритуалы как процесс постижения и изменения смысла юридических текстов

Рассмотрим пример того, как расширяются и воспроизводятся смыслы, извлекае-

мые из одного и того же юридического текста, в различных культурно-исторических контекстах. Право человека на жизнь относится к фундаментальным правам человека, и запрет на необычное и жестокое наказание относится к вечным проблемам, таким как добро и зло. В XVIII в. в Великобритании более двухсот преступлений карались смертью, и большинство из них составляли преступления против собственности, такие как мелкая кража, сруб дерева или изъятие кроликов с места их обитания. Впоследствии отношение к подобным наказаниям менялось: «...первые признаки того, что Верховный суд склоняется к тому, чтобы распространять действие Билля о правах на штаты в той же мере, что и федеральное правительство, ощутились в 1892 г. <...> в этом деле было заявление ответчика, что штат Вермонт вынес ему „жестокое и необычное наказание“ в нарушение Восьмой поправки <...> Билль о правах, писал Филд в своем „особом мнении“ (ибо большинство членов Суда просто проигнорировало вопрос о „жестокости и необычности наказания“), распространяется только на федеральную власть, постольку, поскольку поправки представляют собой „сдержки для власти“ <...> Штат, таким образом, как и Соединенные Штаты в целом, „не может применять [к гражданину] никаких пыток, вроде закручивания пальцев — т. е. никаких жестоких и необычных наказаний“» [Рейчли 1996: 97—128]. Как видно из обширной цитаты, судья Филд высказал идею распространения действия запрета на необычное и жестокое наказание на все штаты. Другой судья Верховного суда США, Стефан Брейер, через сто двадцать лет в «*особом мнении*» (**dissenting**) повторит, что «The Constitution there forbids the “inflict[ion]” of “cruel and unusual punishments”» [Breyer] (...*смертная казнь по своей сути может сегодня считаться законодательно запрещенным, жестоким и необычным наказанием*... — Верховный суд США, 29 июня 2015 г.). В вопросах смертной казни в законодательстве ряда штатов США до сих пор имеются различия, поскольку в сфере законодательной политики штаты обладают большой независимостью. В целом же «в западноевропейской культуре сегодня признается даже **неотъемлемое право на жизнь**, что исключает смертную казнь» [Четвернин 2003: 56].

Развитие науки о языке привнесло в социальную и философскую науки понятия «*текста*», «*философского дискурса*», «*юридического и правового дискурса*». С учетом современных достижений психологии и социологии возникают понятия «*обыденного*

сознания», «социальных и коллективных представлений». Содержание юридических текстов теперь рассматривается учеными как основанное на базовых понятиях правовой культуры, поддерживаемых ритуалами (дискурсивными практиками), в которых в форме языковых и предметных символов объективируются соответствующие идеи, принципы и ценности. Вместе с тем, учитывая идеи Пьера Бурдьё, можно говорить о том, что господствующий класс через почти неограниченное влияние в образовании, науке и вообще в культуре определяет, какое прочтение (понимание, воспроизводство) «юридического текста» является предпочтительным на данном историческом этапе развития данного общества. В развитие теоретических работ Дж. Л. Остина и Г. Л. А. Харта мы предлагаем использовать достижения лингвистики текста, когнитивной и корпусной лингвистики для описания того, как действуют посредством языка юридические тексты, либо правовых сценариев (ритуалов) и целиком правовых систем.

Контекст для толкования понятия.

Интертекст для толкования всего текста

Для устранения многозначности юридического понятия бывает достаточно **контекста**, но для устранения неопределенности юридического текста, такого как закон, контекстом, определяющим его значение, является система ценностей общества, международно-правовые договоры и соглашения и т. п. Во введении нами обозначена проблема устранения многозначности юридического понятия, которая снимается контекстом употребления. Рассмотрим как пример ключевое понятие современной политико-экономической системы западноевропейской цивилизации — «**верховенство права (закона)**». Запрос в сервисе «Гугл-тренд» (см.: [Google Trends]). Это публичное веб-приложение корпорации «Google», основанное на поисковой системе «Google», которое показывает, как часто определенный термин ищут по отношению к общему объему поисковых запросов в различных регионах мира и на различных языках) указывает на то, что запрос **supremacy of law** осуществляется только с территории США, **rule of law** встречается в 33 раза чаще, на 4 континентах (кроме Южной Америки, т. е. испаноговорящих стран), что можно связать с более широким значением второго выражения, включающего понятие **правового государства**. Поисковый запрос на русском языке «верховенство права (закона)» дает почти нулевой результат. На испанском языке запрос «**primacia (prioridad) de la ley**» (исп. «верховенство права») для испаноговорящей

части мира (около 500 млн человек) подтверждает отсутствие запросов по этому понятию. На немецком языке «**Rechtsstaatlichkeit**» (нем. «**верховенство права**») также дает незначительное количество запросов. Для франкоговорящей части мира **la prééminence de la loi** (фр. «верховенство права») также демонстрирует весьма скромное количество поисковых запросов. Мы использовали удобный и простой инструмент для того, чтобы сравнить языковую картину мира в аспекте важнейшего понятия права «верховенство права» для англо-, франко-, испано-, немецкоговорящей части мира. Являясь изобретением правовой мысли Британии, «**rule of law**» вызывает интерес в странах Британского Содружества (англ. **Commonwealth realms**) и США.

Закон также может быть «многозначным». На нескольких примерах поясним, что является контекстом для всего закона. Использование государством «спящих» **неправовых законов** упоминается в высказывании Дж. Милля: «...хотя английский Закон о печати и до сих пор еще так же подл, как был во времена Тюдоров, но мало опасности, чтобы он когда-либо был применим на самом деле, исключая разве в паническую минуту, по случаю каких-либо необычайных обстоятельств, когда, например, страх восстания выведет министров и судей из их нормального состояния...» [Милль 1895: 10—15]. О. Э. Лейст, напротив, полагает, что «сущностным качеством права является официальное установление (санкционирование или создание) правовых норм государством и охрана их государственным принуждением <...> правовая норма существует с момента ее признания или создания и объявления обязательной государством. Норма действует до ее официальной отмены или до разрушения создавшего ее государственного строя <...> нельзя согласиться с мнением о возможности „фактической отмены“ правовой нормы. Если правовая норма долгое время не реализуется в правоотношениях, а противоречение ей деяния (правонарушения) не пресекаются и не караются, но сама норма официально не отменена, она остается действительной и действующей нормой» [Лейст 2008: 47].

В действительности **контекстом**, определяющим правильное толкование всего закона, является Конституция, а также ратифицированные международные договоры и обязательства соответствующего государства. Ограничение противоправных законов действующей Конституцией описывает Ганс Кельзен. «К политическим правам причисляются также т. н. основные права и

(охраняемые правом) свободы (*Grund- und Freiheitstrechte*), предусмотренные конституциями современных государств. Так, эти конституции гарантируют равенство перед законом, свободу (т. е. неприкосновенность) собственности, свободу личности, свободу слова (в особенности свободу печати), свободу совести (в частности, свободу религии), свободу создания объединений, свободу собраний и т. д. <...> это скорее запреты нарушать гарантированные свободы посредством законов (или законозаменяющих постановлений), т. е. отменять или ограничивать эти свободы. И суть этих запретов состоит не в том, что на законодательный орган возлагается правовая обязанность не издавать таких законов, а в том, что если такие законы стали действительными, они могут на основании их „неконституционности“ быть снова отменены по специально предусмотренной для этой цели процедуре» [Кельзен 2015: 180—181].

В заключение статьи отметим следующее. С одной стороны, представления об уподоблении правовой системы языковой системе, соблюдения правил грамматики — следованию закону являются общеизвестными. С другой стороны, отсутствует обязанность устранять недостатки правовой теории в связи с образовавшимся отрывом от смежной междисциплинарной научной отрасли — лингвистики. Первый «лингвистический поворот» существенно изменил важнейшие направления ряда гуманитарных исследований, после чего уступил место другим актуальным направлениям в социально-гуманитарной науке. Лингвистика за прошедшие десятилетия, когда интерес к ней был утрачен, приросла новыми методами, теориями. Рекурсивные механизмы, подробно рассмотренные в лингвистике, будут иметь решающее значение для моделирования юридических текстов (законов), для производства и воспроизводства текстов законов и, самое главное, воспроизводства заложенных в основание права ценностей и смыслов. В свою очередь, лингвистике необходимы достижения других гуманитарных наук, поскольку значительное число языковых явлений объясняется социально-культурными факторами и передачей опыта от одних людей к другим. Научение социальному опыту путем повторяющихся социальных практик и ритуалов неоднократно попадало в поле зрения ученых и описывалось («снимать шляпу в церкви», «ходить в кино по субботам»), необходимо расширить применение новых моделей для построения

собственного метаязыка социально-гуманитарных наук.

Исследования по философии права и языка обогащаются новыми фактами и теориями. Результаты междисциплинарного изучения языка с обращением к таким наукам, как психология, когнитивистика, информационные технологии и другие, демонстрируют значительные научные и коммерческие успехи, следовательно, применение таких подходов к неразрешенным и «старым» проблемам аналитической философии, философии языка, философии права является необходимым и своевременным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт Р. От произведения к тексту // Избранные работы. Семиотика. Поэтика : пер. с фр. / Р. Барт ; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. — М. : Прогресс, 1989. С. 413—423.
2. Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. — М., 1986.
3. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. — М. : Наука, 1981. 138 с.
4. Джерджен К. Дж. Социальный конструкционизм: знание и практика : сб. статей / пер. с англ. А. М. Корбуа. — Минск : БГУ, 2003. 232 с.
5. Дейк Тён А. ван. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации : пер. с англ. — М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 344 с.
6. Константинова М. В. Специфика юридической метафоры в индивидуальном лексиконе (экспериментальное исследование) : автореф. ... канд. филол. наук. — Курск, 2011.
7. Кельзен Ганс. Чистое учение о праве. 2-е изд. / пер. с нем. М. В. Антонова и С. В. Лёзова. — СПб. : Алеф-Пресс, 2015. 542 с.
8. Лейст О. Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. — М. : Зерцало, 2008. 246 с.
9. Милль Дж. О свободе / пер. с англ. А. Фридмана // Наука и жизнь. 1993. № 11. С. 10—15.
10. Оглезнев В. В. Теория юридического языка в философии права Г. Харта : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. — Томск, 2012.
11. Паламарчук А. А. Цивильное право в раннеюартовской Англии: институты и идеи : дис. ... д-ра ист. наук. — СПб., 2016.
12. Рейчли Джеймс. Свобода совести и толкование Первой поправки к Конституции США // Российский бюллетень по правам человека : [сб.]. 1996. С. 97—128.
13. Ришар Ж. Ф. Ментальная активность. Понимание, рассуждение, нахождение решений / сокр. пер. с франц. Т. А. Ребеко. — М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 1998. 232 с.
14. Коллинз Рэндалл. Четыре социологических традиции / пер. В. Россмана. — М. : Территория будущего, 2009. 320 с.
15. Рулан Н. Юридическая антропология / пер. с франц. В. С. Нерсесянц. — М. : НОРМА, 1999. 310 с.
16. Слепухин С. Н. Индоевропейские механизмы стереотипизации в юридическом дискурсе (на примере категорий «persona», «res mobilis / res immobilis») : дис. ... канд. филол. наук. — Новосибирск, 2014. 250 с.
17. Хартман П. Текст, тексты, классы текстов // Проблемы теории текста : рефератив. сб. / АН СССР. — М., 1978. С. 168—185.
18. Четвернин В. А. Введение в курс общей теории права и государства. — М. : Ин-т государства и права РАН, 2003. 204 с.
19. Breyer J. Dissenting. Supreme Court of the United States. No. 14–7955 : Richard E. Glossip, et al., petitioners v. Kevin J. Gross, et al.
20. Google Trends. URL: <https://www.google.ru/trends/>.

P. K. Zvereva
Tyumen, Russia

LINGUO-PHILOSOPHICAL INTERPRETATION OF LEGAL TEXT

ABSTRACT. *The goal of the paper is to describe the models of distinguishing, comprehension and creation of legal texts. Linguistics of the 1970–80-s had a great impact on different areas of research. Text linguistics is found in political linguistics papers, cognitive linguistics is used in the study of metaphors, discourse theory is applied to the study of legal discourse (which is opposed to legal text). Linguists are interested in legal texts, as language is a form of expression of law, the bases of law are fixed in the language, or with the help of the language. The study of the language of law requires interdisciplinary approach and ideas that are based on the philosophy of language, philosophy of law, cognitive linguistics and text linguistics. The main task of a legal expert is to explain the language of law by means of interpretation of the main legal concepts. The meaning of a legal concept often depends on the context, but at the same time there is no unanimous notion of what the context of law is. It is believed that the context of law is the legal system of the state. Support and reproduction of the legal system have much in common with the linguistic phenomenon of recursion. The paper attempts to reconsider some notions offered by H.A. Hart on the level of the main legal texts (law, Constitution). The conception that people speak in texts, rather than in phrases, sentences or words, require reconsideration of some ideas of philosophy of law. The paper provides examples of how the findings of contemporary linguistics are used to solve some problems of philosophy.*

KEYWORDS: *legal texts; legal discourse; context; legal concepts; language of law; cognitive linguistics.*

ABOUT THE AUTHOR: *Zvereva Polina Konstantinovna, Post-graduate Student, Department of Humanities and Social Sciences, Tyumen Industrial University, Tyumen, Russia.*

REFERENCES

1. Bart R. Ot proizvedeniya k tekstu // *Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika* : per. s fr. / R. Bart ; sost., obshch. red. i vstup. st. G. K. Kosikova. — M. : Progress, 1989. S. 413—423.
2. Bakhtin M. M. Problema teksta v lingvistike, filologii i drugih gumanitarnykh naukakh. Opyt filosofskogo analiza // *Estetika slovesnogo tvorchestva* / M. M. Bakhtin. — M., 1986.
3. Gal'perin I. R. Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya. — M. : Nauka, 1981. 138 s.
4. Dzherdzhen K. Dzh. Sotsial'nyy konstruksionizm: znanie i praktika : sb. statey / per. s angl. A. M. Korbuta. — Minsk : BGU, 2003. 232 s.
5. Deyk Ten A. van. Diskurs i vlast': reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii : per. s angl. — M. : Knizhnyy dom «LIBROKOM», 2013. 344 s.
6. Konstantinova M. V. Spetsifika yuridicheskoy metafory v individual'nom leksikone (eksperimental'noe issledovanie) : avtoref. ... kand. filol. nauk. — Kursk, 2011.
7. Kel'zen Gans. Chistoe uchenie o prave. 2-e izd / per. s nem. M. V. Antonova i S. V. Lezova. — SPb. : Alef-Press, 2015. 542 s.
8. Leyst O. E. Sushchnost' prava. Problemy teorii i filosofii prava. — M. : Zertsalo, 2008. 246 s.
9. Mill' Dzh. O svobode / per. s angl. A. Fridmana // *Nauka i zhizn'*. 1993. № 11. S. 10—15.
10. Ogleznev V. V. Teoriya yuridicheskogo yazyka v filosofii prava G. Kharta : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. — Tomsk, 2012.
11. Palamarchuk A. A. Tsivil'noe pravo v rannestyuartovskoy Anglii: instituty i idei : dis. ... d-ra ist. nauk. — SPb., 2016.
12. Reykli Dzheymz. Svoboda sovesti i tolkovanie Pervoy popravki k Konstitutsii SSHA // *Rossiyskiy byulleten' po pravam cheloveka* : [sb.]. 1996. S. 97—128.
13. Rishar Zh. F. Mental'naya aktivnost'. Ponimanie, rassuzhdenie, nakhozhdenie resheniy / sokr. per. s frants. T. A. Rebeiko. — M. : Izd-vo «Institut psikhologii RAN», 1998. 232 s.
14. Kollinz Rendall. Chetyre sotsiologicheskikh traditsii / per. V. Rosmana. — M. : Territoriya budushchego, 2009. 320 s.
15. Rulan N. Yuridicheskaya antropologiya / per. s frants. V. S. Nersesyants. — M. : NORMA, 1999. 310 s.
16. Slepukhin S. N. Indoevropeyskie mekhanizmy stereotipizatsii v yuridicheskom diskurse (na primere kategoriy «persona», «res mobilis / res immobilis») : dis. ... kand. filol. nauk. — Novosibirsk, 2014. 250 s.
17. Khartman P. Tekst, teksty, klassy tekstov // *Problemy teorii teksta* : referativ. sb. / AN SSSR. — M., 1978. S. 168—185.
18. Chetvernin V. A. Vvedenie v kurs obshchey teorii prava i gosudarstva. — M. : In-t gosudarstva i prava RAN, 2003. 204 s.
19. Breyer J. Dissenting. Supreme Court of the United States. No. 14–7955 : Richard E. Glossip, et al., petitioners v. Kevin J. Gross, et al.
20. Google Trends. URL: <https://www.google.ru/trends/>.

Статью рекомендует к публикации д-р филос. наук, проф. В. Лезьер.